
DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7094

СЧАСТЬЕ И СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В ОЦЕНКАХ РОССИЯН: ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00522 «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах».

П. Е. Сушко¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Для цитирования: Сушко П. Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 48–62. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7094

Аннотация. В статье анализируются субъективные оценки социального благополучия и счастья в контексте их взаимосвязи с характеристиками индивида в различных сферах социальной системы. Анализируются сходства и различия в оценках указанных категорий в разрезе возрастных, социально-профессиональных и доходных групп. Показано, что в старших возрастных группах, а также в группах с низким уровнем дохода, занятых низкоквалифицированным физическим и нефизическим трудом, категории счастья и благополучия в субъективных оценках фактически не разделяются. Напротив, в молодых возрастах, а также у тех, кто относится к средним и высокодоходным слоям, занят преимущественно высококвалифицированным нефизическим трудом, обнаруживается несоответствие в оценках социального благополучия и счастья. В первом случае схожее восприятие исследуемых категорий свидетельствует о слабых достижительных мотивах и об ориентации в оценках на референтные группы. В этих группах доминирует принцип «жить не хуже, чем другие». Во втором случае разность оценок благополучия и счастья объясняется более стабильным положением этих групп в социальной системе. Ими лучше осознаются возможные уровни социального благополучия, к которым можно стремиться. Эмпирической базой для анализа послужили данные 26-й волны ежегодного опроса Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, проведённого в 2017 г.

Ключевые слова: социальное благополучие; социальный статус; объективное и субъективное благополучие; счастье; неравенство; социальные группы.

К вопросу о концептуализации социального благополучия

Проблема социального благополучия в последние годы всё чаще выходит на первый план в общественном дискурсе. По этому вопросу наблюдается активная полемика в средствах массовой информации, когда речь заходит об уровне

жизни или социальном неравенстве¹, в социальных сетях, где споры отличаются широким разнообразием позиций и их аргументаций, а также в поле научного дискурса учёных и исследователей, направляющих свои усилия на определение и анализ ключевых индикаторов благополучного общества [Козырева., 2011]. Общим посылом для этих обсуждений выступает идея, согласно которой социальное благополучие лежит в основе консолидации общества и поддерживает его стабильное состояние. Социально благополучное население в меньшей степени будет подвержено общественным расколам, обособленности, смуте и антиобщественным настроениям, вызванным чувством социальной несправедливости в доступе к благополучной жизни.

Важным представляется то обстоятельство, что в научном дискурсе в первую очередь возникают вопросы о содержательной операционализации понятия социального благополучия, о возможностях эмпирической фиксации и сопоставимости его различных критериев. Российские учёные проводят немало исследований, направленных на всестороннее изучение социального благополучия, но зачастую сводимых к точечным замерам отдельных его сторон, а также на оценку вероятных последствий развития тех или иных тенденций. При этом в научных публикациях по данной проблематике сложно встретить единую обоснованную методику, которая претендовала бы на комплексное изучение социального благополучия. Тем не менее в исследованиях, которые ставят во главу угла разрешение теоретических и методологических споров вокруг описываемого феномена, поднимаются вопросы условного разграничения благополучия с другими смежными понятиями и категориями (счастье, успех, позитивность, жизнестойкость и т. п.) [Батурин и др., 2013].

Несмотря на наличие подобных условных разграничений, проводимых преимущественно теоретически, на эмпирическом уровне чёткой демаркационной линии не проводится. Благополучие не просто идёт бок о бок с жизненным успехом, ощущением счастья, благосостоянием, оно становится синонимичным и внешне неотделимым от этих понятий. Всё дело в том, что инструментально они исследуются в рамках одного методологического аппарата, в пределах ограниченного круга критериев, доступных для научной фиксации. В результате и благополучие, и счастье измеряются практически одним и тем же набором индикаторов, что не позволяет проводить существенных разграничений между ними. В то же время близость этих понятий обеспечивается их общей позитивной направленностью. Можно предположить, что при оценивании себя по благополучности, успешности или счастьем респондент будет исходить из одних и тех же позиций, интуитивно подводя их под общий знаменатель.

¹ Соловьева О. Российское благополучие хуже монгольского // Новая газета. 22.09.2017. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-09-22/1_7079_mongolia.html (дата обращения: 30.08.2019); Крючкова Е. Остающимся проведут социальное благополучие // Коммерсант. 02.08.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4051856> (дата обращения: 30.08.2019).

В поисках индикаторов благополучия

Усилия по концептуализации социального благополучия неоднократно предпринимались в самых разных дисциплинах, однако это понятие по-прежнему остаётся дискуссионным, что во многом отражает его комплексность и многомерность [Дивисенко, 2018]. При этом исследователей социального благополучия условно можно разделить на два основных лагеря – тех, кто преимущественно фокусирует внимание на объективных показателях, поддающихся эмпирической фиксации (уровень дохода, уровень безработицы, уровень бедности, ВВП на душу населения, размер минимальной оплаты труда, уровень рождаемости, уровень самоубийств, количество зарегистрированных браков и т. д.) [Воронин, 2009], и тех, кто анализирует субъективные показатели, основанные на оценках индивидами своего социального положения в различных измерениях благополучия (материальное положение, социальный статус, здоровье, удовлетворённость жизнью, уровень счастья, стресса, одиночества и т. п.) [Батурин и др., 2013].

В то же время исследователи из обеих групп не формируют единой методологической схемы при изучении социального благополучия. Отчасти это вызвано тем, что современный мир перестал мыслиться в бинарных категориях (хорошее / плохое, чёрное / белое, добро / зло, благополучный / неблагополучный и т. д.). Общества в том виде, в котором мы их можем сейчас наблюдать, намного сложнее и разнообразнее тех полюсных конструкций, в которые искусственно помещают нас отдельные исследователи (см., например: [Inequality..., 2018]). Современные общества текучи и разнообразны. То, что может казаться линейным, на самом деле представляет систему многосторонних связей и процессов.

Так обстоит дело и с социальным благополучием – нестабильной и динамичной категорией, замерить которую простой линейкой не представляется возможным, т. к. оно тесно переплетено с субъективным опытом, однако и не исчерпывается лишь только им. Поэтому измерять благополучие нужно комплексно, не упуская из виду ни те стороны социальной реальности, в которой существует и функционирует индивид, ни его собственные ощущения и оценки, которые определяют субъективное восприятие его социального положения в различных сферах. При этом нужно иметь в виду, что субъективное восприятие – малоустойчивая и чувствительная единица, колебания которой сложно измерить существующими инструментариями. По этой причине некоторые исследователи придерживаются мнения, что нужны любые объективные оценки социального благополучия, поскольку именно они имеют конкретный вес и поэтому могут быть логически обоснованы.

В то же время иногда наблюдаются противоречия между объективным и субъективным благополучием, что фиксируется и в работах исследователей [Карабчук, Сальникова, 2016]. К примеру, по объективным показателям индивида можно отнести к категории благополучных, руководствуясь научными подходами или заданными границами по минимальной оплате труда и т. п., а субъективно этот же индивид может считать себя представителем неблагопо-

лучных групп. Такой парадокс можно объяснить разницей границ объективного и субъективного благополучия и разными точками отсчёта для замера объективных показателей и субъективного восприятия. Отклонение вверх или вниз от указанных нормативных границ будет, соответственно, означать благополучие / неблагополучие. Эти условные границы необходимы обществу для его структурирования и условной дифференциации по уровню благополучия.

Таким образом, возникает непростая дилемма соотношения объективных и субъективных показателей. Анализ современной литературы свидетельствует, что консенсус о связи субъективных и объективных критериев так и не сложился. Рассуждения преимущественно идут в контексте того, что между определённым набором объективных и субъективных показателей существует чем-либо обусловленная связь. При этом характер и силу связи между объективными показателями и субъективными оценками измеряли преимущественно в рамках доходного подхода к благополучию [Graham, 2016], что во многом обосновано высокой ролью материальной составляющей практически в любом обществе [Радаев, Шкаратан, 1996]. Однако данный подход одномерен и не позволяет в полной мере учитывать степень благополучия [Сальникова, 2017], поскольку не всегда отражает положение индивида в других сферах жизни. Так, в некоторых странах более бедные оказываются более счастливыми, субъективно чувствуя себя благополучнее, чем обеспеченные слои населения. Этот феномен был назван «парадоксом счастливых крестьян» [Graham, Pettinato, 2002].

В условиях российского общества несоответствие между объективными показателями и субъективными оценками благополучия в том или ином измерении связано в том числе и с определёнными стандартами этого благополучия. Ведь объективные стандарты, как уже было отмечено, формируются искусственно, а на субъективные оценки влияет слишком широкий диапазон факторов, включающих и те, что не поддаются инструментальной фиксации. Нижняя граница, наиболее доступная для анализа и отделяющая благополучие от неблагополучия, чаще всего задаётся именно уровнем доходов. Верхняя граница в этом плане по ряду причин остаётся малодоступной для анализа. Во-первых, это связано с тем, что в массовые опросы преимущественно попадают наиболее типичные слои населения, элитные же группы с характерными для них жизненно-стилевыми особенностями чаще всего не доступны для исследователей, а значит, и определить их границы благополучия не представляется возможным. Во-вторых, — с неполнотой объективных шкал.

Важно учитывать и то, что в российском обществе указанные стандарты благополучия существенно занижены [Тихонова, 2014]. На фоне фиксируемого в российском обществе снижения уровня и качества жизни для массовых слоёв населения соответственно опускаются и границы благополучия. В этом смысле следует опираться на исходные точки отсчёта, формирующие представления о благополучии? Так, согласно теории социального сравнения Л. Фестингера, субъективные представления индивида (человека) о благополучии во многом определяются при сопоставлении себя с ближайшим окружением, характеризующимся схожим набором социальных признаков [Festinger, 1954]. В этом смысле субъективные оценки

индивидом своего положения могут формироваться как относительно ближайшего окружения, исходя из позиции «жить не хуже других», так и ориентируясь на общество в целом, то есть сопоставляя себя не только с узким кругом, но и с группами, занимающими принципиально иное положение в социальной структуре.

В то же время границы социального благополучия могут быть связаны с социальной эксклюзией [Тихонова, 2003], когда индивид не может в силу ряда обстоятельств и ограничений вести приемлемый для данного общества образ жизни. В российском обществе тенденция снижения границ благополучия наблюдается в связи с тем, что все большая часть населения испытывает целый ряд лишений, не позволяющих относить себя к благополучным группам. По этой причине им приходится ориентироваться на ближайшее окружение, находящееся в схожих условиях. Так норма благополучия сдвигается вниз. Поэтому в оценках социального благополучия присутствует значительный перекося в сторону субъективизма именно за счёт размытости границ объективных показателей.

С одной стороны, в силу указанных причин при исследовании социального благополучия мы не можем использовать только объективные показатели. С другой стороны, субъективные оценки не могут формироваться в отрыве от внешней и независимой от индивида социальной среды. Поэтому показателем объективного благополучия можно считать тот, который будет связан с субъективными оценками. И в этом смысле понятно желание ряда исследователей использовать доходные показатели как наиболее доступные среди прочих. Уровень дохода позволяет рассуждать о благополучии индивида, отталкиваясь именно от заданных в данном обществе, в данной социальной группе стандартов благополучия. На величину доходов во многом ориентируются и управленческие структуры при разработке программ социальной политики для наиболее уязвимых слоёв и групп. В американском обществе, к примеру, широко распространены так называемые компенсаторские программы, направленные на борьбу с неравенством и социальным неблагополучием, однако по сути оказывающие лишь кратковременный эффект, но не меняющие в корне социальное положение человека [Inequality.., 2018].

Таким образом, на оценки социального благополучия так или иначе влияет социально заданный набор критериев, согласно которому индивида можно отнести к той или иной ступени условной иерархии благополучия. Каждый из этих критериев по факту предполагает разную степень включённости индивида в структуру социальной системы. Именно степень интегрированности индивида в систему социальных отношений, его соответствие общепринятым стандартам жизни становится важным критерием, отделяющим категорию благополучия от других близких ему по смыслу понятий. Отталкиваясь от этой идеи, на примере двух наиболее сплетённых между собой категорий счастья и социального благополучия в статье будет показано, как проявляется влияние фактора социальной эксклюзии в тех или иных сферах на субъективные оценки индивидов. В этом смысле стандарты благополучия формируются даже не столько по фактору материального положения и доходов, сколько в результате имеющихся лишений и повседневных проблем, решить которые люди самостоятельно не способны [Мареева, 2018].

Куда идём – за счастьем или благополучием?

Как было отмечено выше, социальное благополучие и счастье часто используются как синонимичные понятия. Однако есть ли между ними смысловая разница и если есть, то какова она? В любом обществе с характерной для него социальной структурой, механизмами социальной мобильности и системой социальных институтов у каждого индивида есть возможность занять определённое положение на шкале социальных позиций. Говоря о российском обществе в данном контексте, стоит отметить, что его специфика, с одной стороны, заключается в переходности, пограничности [Особенности модернизации..., 2018] между так называемыми развитыми и развивающимися обществами, а с другой стороны – в его иерархичности и этакратизме [Шкаратан, Ястребов, 2008]. С этой точки зрения предположим, что ощущение собственного благополучия или счастья в таком обществе должно быть связано с тем, какую позицию в социальной иерархии занимает индивид. Так, например, данные отечественных исследований свидетельствуют о том, что российское общество – это общество нижних социальных позиций, где одну из ключевых ролей в положении индивида и его субъективной оценке своего места в обществе играет размер дохода [Тихонова, 2018]. Также немалую роль в том, как себя ощущает сам индивид и как его видят другие члены общества, играет положение индивида в системе административно-профессиональной иерархии [Аникин, 2013]. Рассмотрим, какие из характеристик положения индивида в заданной системе социальных институтов и иерархий влияют на его оценку себя как благополучного и счастливого или, напротив, неблагополучного и несчастного, а также есть ли разница в оценках одного и другого феномена.

Как свидетельствуют данные 26-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ (2017 г.)¹, удовлетворённость жизнью² и оценка уровня счастья довольно тесно взаимосвязаны³. Положение индивида в различных сферах жизни общества сказывается как на ощущении собственного благополучия, так и на оценке уровня счастья (см. табл. 1). При этом оценки удовлетворённости своим положением в разных сферах жизни с уровнем благополучия связаны теснее, нежели с уровнем счастья, что свидетельствует о существовании различий в понимании двух этих феноменов в общественном сознании.

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

² Переменная «удовлетворённость жизнью» в данном исследовании иллюстрирует субъективную оценку благополучия, поскольку она отражает включённость индивида в общественную систему, и в этом смысле, согласно нашей гипотезе, может свидетельствовать об уровне благополучия индивида.

³ Коэффициент корреляции Пирсона между оценкой удовлетворённости жизнью и оценкой уровня счастья составил 0,531. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Таблица 1

Взаимосвязь удовлетворённости уровнем благополучия и счастья с уровнем удовлетворённости отдельными сферами жизни индивида, 2017 г.¹

Сферы	Удовлетворённость жизнью в целом	Удовлетворённость тем, насколько счастлив индивид
Материальное положение	0,467	0,293
Работа	0,351	0,247
Условия труда	0,320	0,219
Здоровье	0,315	0,401
Профессиональный рост	0,304	0,210
Оплата труда	0,304	0,208

Рассмотрим подробнее на примере социально-демографических и социально-профессиональных групп, каким образом эти различия проявляются и что они могут сказать о специфике российского общества в этом контексте. Как видно из данных таблицы 2, различия в восприятии собственного уровня благополучия и уровня счастья фиксируются, однако свойственная им определённая специфика – условный «разрыв» между оценками этих категорий – наблюдается по мере перехода респондента в старшие возрастные группы. Чем индивид старше, тем заметнее разница в восприятии собственного уровня благополучия и счастья. Причём, с одной стороны, и в оценках уровня благополучия в целом и в оценках уровня счастья с возрастом фиксируется спад абсолютной удовлетворённости указанными составляющими.

Таблица 2

Оценка уровня благополучия и уровня счастья среди представителей разных возрастных групп, 2017 г., %

Оценки	18–24	25–34	35–44	45–59г	60 и старше
Уровень социального благополучия					
Удовлетворены	67	58	53	48	43
И да, и нет	19	25	24	26	24
Не удовлетворены	13	17	23	27	33
Уровень счастья					
Очень счастливы	65	60	52	41	34
Скорее счастливы, чем не счастливы	29	31	36	43	42
Несчастливы	6	8	12	16	25
Всего по выборке	9	17	17	26	32

¹ Для вычислений использовался коэффициент корреляции Пирсона, уровень значимости 0,001 (двухсторонняя).

С другой стороны, с приобретением жизненного опыта наблюдается увеличение доли тех, кто совершенно не доволен уровнем собственного благополучия. Говоря же об уровне счастья, мы можем заметить, что с увеличением возраста хотя и фиксируется спад доли абсолютно счастливых, тем не менее респонденты чаще «уходят» в срединные оценки данного показателя, нежели в негативные. Это может свидетельствовать о том, что феномен счастья в большей мере обуславливается условно нематериальными и несистемными факторами. Уровень благополучия, напротив, сильнее привязан к положению индивида в социальной системе, поэтому с возрастом индивид может испытывать больше лишений в тех или иных сферах (например, уход с работы, снижение дохода и т. п.).

Теперь рассмотрим, как меняется ощущение счастья и благополучия в разрезе доходных групп. В качестве базовой переменной мы выбрали ежемесячный доход как один из возможных индикаторов материального благополучия. В российском обществе именно доход определяет экономический статус индивида в целом [Коленникова, 2018]. Для выделения доходных групп мы опирались на отечественные исследования по доходной стратификации [Модель доходной..., 2018]. В частности, использовался медианный подход, на основе которого были выделены три группы. В первую вошли те, чей уровень ежемесячного заработка не превышал 0,75 медиан – этот показатель, согласно данным исследований, является порогом, отделяющим низкодоходные слои общества от средне- и высокодоходных. Вторую группу составили те, чей заработок находился в диапазоне от 0,75 до 2 медиан (среднедоходные слои), третью – свыше 2 медиан (высокодоходные слои) (табл. 3).

Таблица 3

Оценка уровня благополучия и уровня счастья среди представителей разных доходных групп, 2017 г., %

Оценки	Низкодоходные	Среднедоходные	Высокодоходные
Уровень социального благополучия			
Удовлетворены	45	58	71
И да, и нет	28	27	19
Не удовлетворены	27	15	10
Уровень счастья			
Очень счастливы	42	51	61
Скорее счастливы, чем не счастливы	41	40	33
Несчастливы	17	9	7
Всего по выборке	30	61	9

Ситуация относительно оценок социального благополучия и уровня счастья в доходных группах складывается следующим образом: чем выше доход респондента, тем больше несоответствий между оценками уровня социального

благополучия и уровня счастья. И, напротив, чем ниже доход, тем оценки более сбалансированы, хотя в целом уровень социального благополучия во всех указанных группах оценивается ниже, чем уровень счастья.

Получается, что для низкодоходных групп категории социального благополучия и счастья скорее синонимичны, чем для средне- и высокодоходных групп. Для российских реалий такое положение вещей неудивительно, поскольку для индивида, находящегося на нижних ступенях доходной иерархии, ключевой целью является обеспечение такого положения, которое позволило бы ему хотя бы быть в числе «среднячков», а не аутсайдеров. Последнее в случае с низким доходом подразумевает ограниченность возможностей в части поддержания наиболее распространённого образа жизни. В этом и заключается описанный выше «парадокс крестьян». Респонденты из низкодоходных слоёв, говоря о своём счастье, используют другие критерии, не связанные с включённостью в социальную систему, а относящиеся к субъективно-личностному уровню. В то же время они чувствуют своё социально-статусное положение, понимают, бедные они или богатые, престижна ли их работа или нет, оценивают свой потенциал и имеющийся круг возможностей. Однако эти критерии уже системны. Именно они формируют представления о благополучии как социальном конструкте, позволяющем наиболее эффективно развиваться и функционировать в рамках заданной системы. Вот почему могут возникать ситуации, когда человеку мало платят, но чувствует он себя счастливым. Благополучие с этой точки зрения выступает более приземлённой категорией, зависящей от системных характеристик, а счастье – более сенситивной категорией, привязанной к субъективным переживаниям [Черныш, 2019].

Рассматривая оценки уровня благополучия и уровня счастья с точки зрения представителей разных профессиональных групп, выделенных по классификатору ISCO-08 (табл. 4), также можно обнаружить некоторые особенности, которые заметны при условном разделении респондентов на две укрупнённые группы.

В первую группу будут входить 1, 2 и 3-й профессиональные классы, состоящие преимущественно из работников высококвалифицированного нефизического труда. Среди них чаще фиксируются расхождения между уровнем благополучия и счастья. Причём абсолютно благополучных в этих группах больше, чем абсолютно счастливых, что также свидетельствует о разной трактовке счастья и благополучия в этой группе. Во вторую группу входят представители 4, 5, 7, 8, 9-го профессиональных классов, она состоит из работников низкоквалифицированного нефизического труда, квалифицированных рабочих, использующих ручной или машинный труд, и тех, кто занят неквалифицированным физическим трудом. Несмотря на гетерогенность группы с точки зрения специфики труда, доли оценивающих тем или иным образом уровень благополучия и уровень счастья среди них практически не различаются. То есть в этой группе данные понятия скорее синонимичны. Это говорит о том, что представители данной укрупнённой группы при оценке уровня счастья и благополучия ориентируются в первую очередь на то положение, которое они занимают в рамках институциональной системы.

Таблица 4

Оценка уровня благополучия и уровня счастья среди представителей профессиональных классов, 2017 г., %¹

Оценки	Уровень социального благополучия							
	Руководители (1-й класс)	Профессионалы (2-й класс)	Полупрофессионалы (3-й класс)	Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4-й класс)	Работники сферы торговли и услуг (5-й класс)	Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7-й класс)	Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8-й класс)	Низкоквалифицированные рабочие всех отраслей (9-й класс)
Удовлетворены	74	61	60	55	50	51	52	42
И да, и нет	15	25	25	24	29	27	30	28
Не удовлетворены	11	14	16	21	21	22	18	30
	Уровень счастья							
Очень счастливы	57	53	52	52	46	49	49	40
Скорее счастливы, чем не счастливы	36	38	39	35	40	41	40	38
Не счастливы	7	9	9	13	14	10	11	22
Всего по выборке	6	18	20	6	18	13	13	7

Заключение

Таким образом, различия между счастьем и благополучием проявляются в разрезе разных социально-демографических и профессиональных групп. Те, кто находится на нижних ступенях условной социальной иерархии с точки зрения их профессии и уровня дохода, а также люди старших возрастов понятия счастья и благополучия в субъективных оценках практически не разделяют.

¹ Использовалась международная классификация профессий ISCO-08. Представители профессионального класса военнослужащих в силу своей малочисленности были отнесены в группу профессионалов, поскольку практически все из них имели высшее образование и профильную квалификацию (N = 18). Представители 6-го класса (сельскохозяйственные рабочие) были отнесены к 7-му классу рабочих ручного труда также в силу своей малой представленности в выборке.

Иначе ситуация складывается у тех, кто молод, у кого относительно средние и высокие доходы, и кто занят преимущественно высококвалифицированным нефизическим трудом. Среди них чаще обнаруживается несоответствие оценок социального благополучия и счастья, поскольку они для этих групп имеют разную природу, несмотря на довольно тесную взаимосвязь.

Человек социален, поэтому его субъективные оценки во многом базируются на объективных характеристиках его позиции внутри социальной системы. При этом социальное благополучие, как показывают результаты исследования, определяется через ощущение себя как профессионала, как материально благополучного человека, а также в некоторой мере обуславливается возрастом. Оценки уровня счастья при этом в случае с группами, находящимися на нижних ступенях социальной иерархии, практически не отличаются от оценок уровня социального благополучия. В то время как в группах, занимающих более высокое положение в этой системе, фиксируется разница в оценках. То есть в первом случае одинаковое восприятие социального благополучия и уровня счастья, которые в целом большинством состава этих групп оцениваются позитивно, может свидетельствовать о слабости достижительных мотивов наряду с удовлетворённостью своим положением относительно референтного окружения. Во втором случае разность оценок социального благополучия и уровня счастья с преобладанием позитивных оценок второго говорит о том, что эти группы ощущают себя более счастливыми относительно других групп. При этом ими лучше осознаются возможные уровни социального благополучия, к которым можно стремиться.

Список литературы

Аникин, В. А. Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны // *Terra Economicus*. 2013. Т. 11. № 2. С. 41–68.

Батурин, Н. А., Башкатов, С. А., Гафарова, Н. В. Теоретическая модель личностного благополучия // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2013. Т. 6. № 4. С. 4–14.

Воронин, Г. Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // *Социологический журнал*. 2009. № 3. С. 41–54.

Градосельская, Г. В. Субъективные и объективные оценки благосостояния // *Социологический журнал*. 2003. № 3. С. 86–98.

Дивисенко, К. С. Субъективное благополучие: возможности биографического исследования // *Петербургская социология сегодня*. 2018. Вып. 9. С. 47–61.

Карбчук, Т. С., Сальникова, Д. В. Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // *Социологические исследования*. 2016. № 5. С. 96–109.

Козырева, П. М. Карьера и благополучие в России: особенности и структура взаимосвязи // *Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. акад. РАН М. К. Горшков*. Вып. 10. М.; СПб.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. С. 44–60.

Коленникова, Н. Д. Экономический статус занятого населения России: объективное и субъективное измерения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 1 (24). С. 76–94. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.498.

Мареева, С. В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707

Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / В. А. Аникин [и др.]; под редакцией Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.317544469-1419-7.

Особенности модернизации социальной структуры российского общества: [монография]. [Электронный ресурс] / З. Т. Голенкова [и др.]. — Электрон. текст. дан (объем 2,32 Мб). М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 200 с. DOI: 10.19181/monograph.2019.1. // Официальный портал ФНИСЦ РАН: [сайт]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6805 (дата обращения: 15.11.2019).

Радаев, В. В., Шкаратан, О. И. Социальная стратификация. М. Аспект Пресс, 1996. 318 с.

Сальникова, Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157–174.

Тихонова, Н. Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. Т. XII. № 1. С. 36–84.

Тихонова, Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

Тихонова, Н. Е. Динамика социально-экономического положения массовых слоёв населения России: 2003–2018 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 3. С. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6000>

Черныш, М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7 № 2. С. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>.

Шкаратан, О. И., Ястребов Г. А. Российское неозападное общество и его стратификация // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 40–50.

Festinger, L. A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations. 1954. Vol. 7. № 2. P. 117–140.

Graham, C. Subjective Well-being in Economics // The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy / eds. M. Adler, M. Fleurbaey, NY: Oxford University Press, 2016. P. 424–452. DOI: 10.1093/oxfordhdb/9780199325818.013.14.

Graham, C., Pettinato, S. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies // Journal of Development Studies. 2002. Vol. 38. № 4. P. 100–140.

Inequality in the 21st Century. Ed. by Grusky, D. B., Hill, J. London, NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 506 p.

Дата поступления в редакцию: 24.11.2019. Принята к печати: 20.12.2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сушко Павел Евгеньевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: sushkope@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 703237

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7094

Happiness and Social Well-Being in the Estimates of Russians – the Problem of Differentiation of Concepts

The article was prepared with the support of RFBR. Project № 19-011-00522

«Factors of social wellbeing in the changing and stable societies»

Pavel E. Sushko¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218

For citation: Sushko, P. E. (2020). Happiness and Social Well-being in the Russians' Assessments: the Problem of Differentiation of Concepts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 8. № 1. P. 48–62. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7094

Abstract. The article analyzes subjective assessments of social well-being and happiness in the context of their relationship with the characteristics of individuals in various areas of the social system. The similarities and differences in assessments of these categories are analyzed in the context of age, socioprofessional and income groups. It is shown that in older age groups, as well as in low-income groups engaged in low-skilled physical and non-physical labor, the categories of happiness and well-being are not actually divided in subjective assessments. On the contrary, in younger age groups, as well as those who belong to the middle and high-income groups mainly engaged in highly skilled non-physical labor, a discrepancy is found in assessments of social well-being and happiness. In the first case, the similar perception of the categories studied is evidence of weak motives for achievement and of focus on the reference groups in assessments. In these groups, the principle of “living no worse than others” prevails. In the second case, the difference in the estimates of well-being and happiness can be explained by the more stable position of these groups in the social system. They are better aware of the possible levels of social well-being that one can strive for. The empirical basis for the analysis was the 26th wave of the annual RLMS-HSE survey monitoring the Russian population's economic status and health, which was conducted in 2017.

Keywords: social well-being; social status; objective and subjective well-being; happiness; inequality; social groups.

REFERENCES

- Anikin V. A. (2013). Professional'naya struktura naseleniya i tip ekonomicheskogo razvitiya strany. [Professional structure of the population and type of economic development of the country]. *Terra Economicus*. T. 11. № 2. P. 41–68. (In Russ.).
- Baturin N. A., Bashkatov S. A., Gafarova N. V. (2013). Teoreticheskaya model' lichnostnogo blagopoluchiya. [Theoretical model of personal well-being]. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Psikhologiya»*. T. 6. № 4. P. 4–14. (In Russ.).
- Chernysh M. F. (2019). Faktory, vliyayushchie na perezhivanie schast'ya v rossiyskom obschestve. [Factors affecting the experience of happiness in Russian society]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. T. 7 № 2. P. 9–33. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407> (In Russ.).
- Gradosel'skaya G. V. (2003). Sub"ektivnye i ob"ektivnye otsenki blagosostoyaniya. [Subjective and objective assessments of welfare]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. № 3. P. 86–98. (In Russ.).
- Divisenko K. S. (2018). Sub"ektivnoe blagopoluchie: vozmozhnosti biograficheskogo issledovaniya. [Subjective well-being: opportunities for biographical research]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. Vyp. 9. P. 47–61. (In Russ.).

Karabchuk T. S., Sal'nikova D. V. (2016). Ob"ektivnoe i sub"ektivnoe blagopoluchie: opyt sravnitel'nogo analiza stran Tsentral'noy Azii, Rossii i Belarusi. [Objective and subjective well-being: experience of comparative analysis of Central Asian countries, Russia and Belarus]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 5. P. 96–109. (In Russ.).

Kozyreva P. M. (2011). Kar'era i blagopoluchie v Rossii: osobennosti i struktura vzaimosvyazi. [Career and well-being in Russia: features and structure of the relationship]. *Rossiya reformiruyuschayasya: Ezhegodnik-2011*. Ed. by M. K. Gorshkov. Vyp. 10. M.; SPb.: Institut sotsiologii RAN, Nestor-Istoriya publ., P. 44–60. (In Russ.).

Kolennikova N. D. (2018). Ekonomicheskiy status zanyatogo naseleniya Rossii: ob"ektivnoe i sub"ektivnoe izmereniya. [Economic status of the employed population of Russia: objective and subjective measurements]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. T. 9. № 1 (24). P. 76–94. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.498 (In Russ.).

Mareeva S. V. (2018). Zony sub"ektivnogo blagopoluchiya i neblagopoluchiya v rossiyskom obschestve. [Zones of subjective well-being and disadvantage in Russian society]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. T. 18. № 4. P. 695–707. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707 (In Russ.).

Model' dokhodnoy stratifikatsii rossiyskogo obschestva: dinamika, faktory, mezhranovyye sravneniya. (2018). [Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons]. Ed. by N. E. Tikhonova. M.; SPb.: Nestor-Istoriya publ., 368 p. DOI: 10.317544469-1419-7 (In Russ.).

Osobennosti modernizatsii sotsial'noy struktury rossiyskogo obschestva. (2018). [Features of modernization of the social structure of Russian society]. M.: FNISTS RAN, 200 p. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6805 (data obrascheniya: 15.11.2019). DOI: 10.19181/monograph.2019.1 (In Russ.).

Radaev V. V., Shkaratan O. I. (1996). Sotsial'naya stratifikatsiya. [Social stratification]. M. Aspekt Press publ., 318 p. (In Russ.).

Sal'nikova D. V. (2017). Istochniki nesoglasovannosti rezul'tatov issledovaniy vzaimosvyazi ob"ektivnogo i sub"ektivnogo blagopoluchiya. [Sources of inconsistency in the results of research on the relationship between objective and subjective well-being]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. T. 18. № 4. P. 157–174. (In Russ.).

Tikhonova N. E. (2003). Fenomen sotsial'noy eksklyuzii v usloviyakh Rossii. [The phenomenon of social exclusion in Russia]. *Mir Rossii*. T. XII. № 1. P. 36–84. (In Russ.).

Tikhonova N. E. (2014). Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'. [The social structure of Russia: theories and reality]. M.: Novyy khronograf: In-t sotsiologii RAN, 408 p. (In Russ.).

Tikhonova N. E. (2018). Dinamika sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya massovykh sloev naseleniya Rossii: 2003–2018 gg. [Dynamics of the socio-economic situation of the mass strata of the Russian population: 2003–2018.]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. T. 6. № 3. P. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6000> (In Russ.).

Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. (2008). Rossiyskoe neoetakraticeskoe obschestvo i ego stratifikatsiya. [Russian neo-ethacratc society and its stratification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 11. P. 40–50. (In Russ.).

Voronin G. L. (2009). Ob"ektivnye i sub"ektivnye pokazateli obschestvennogo blagopoluchiya. [Objective and subjective indicators of social well-being]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. № 3. P. 41–54. (In Russ.).

Festinger L. (1954). A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*. Vol. 7. № 2. P. 117–140.

Graham C. Subjective Well-being in Economics. (2016). *The Oxford Handbook of Well-being and Public Policy*. Eds. By M. Adler, M. Fleurbaey, NY: Oxford University Press. P. 424–452. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199325818.013.14.

Graham C., Pettinato S. (2002). Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies. *Journal of Development Studies*. Vol. 38. № 4. P. 100–140.

Inequality in the 21st Century. (2018). Ed. by Grusky, D. B., Hill, J. London, NY: Routledge Taylor & Francis Group. 506 p.

The article was submitted on November 24, 2019. Accepted on December 20, 2019.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sushko Pavel Evgen'evich, Candidate of Sociology, Senior Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: sushkope@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0245-7015

Web of Science ResearcherId: L-2288-2015

Scopus Author Id: 57195625722